

В. М. ОЗЕРОВ и Ал. ОЗЕРОВА — ОГАРЕВУ

ПРИЛОЖЕНИЕ: ДВА ПИСЬМА к П. Л. ЛАВРОВУ О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

Публикация С. И. Шкроба

20 сентября 1866 г. польский революционер-демократ, впоследствии знаменитый генерал Парижской Коммуны, Ярослав Домбровский, особым письмом рекомендовал вниманию Герцена русского эмигранта-революционера Владимира Михайловича Озерова (1838 — ок. 1915). «Ротмистр Озеров, — писал Герцену Домбровский, — принадлежит к числу тех светлых личностей, которые мечтали в России о свободе и с самоотвержением боролись против катковщины. Ему лично я обязан своим спасением; у него нашел я приют в Петербурге, и благодаря его великодушной помощи удалось мне вырвать жену мою из ссылки. Запутанный одной из последних жертв Муравьева в процессе Каракозова, Озеров спасся только благодаря своей энергии и в настоящее время находится в Париже. Здесь, живя rue d'Enfer, 61, Hôtel de l'Ouest, под именем Альберта Шаховского, учится он сапожному мастерству, чтобы снискать себе какие-либо средства для жизни. Не только чувство благодарности к Владимиру Михайловичу заставляет меня писать к вам эти строки, но и желание дать вам возможность употребить его для ваших трудов в России. Вы найдете в Озерове честного и мыслящего человека, горячего патриота, предприимчивого конспиратора и смелого агента. Таких как он людей немного, и мне остается только поздравить вас с находкой и пожалеть от души, что Озеров не поляк» («Звенья», VI, 1936, стр. 396—397).

Домбровский имел все основания рекомендовать нового русского эмигранта Герцену. Он знал Озерова со времен польского восстания 1863 г. Волынский уланский полк, в котором служил Озеров, оказался в Варшаве в июле. Рискую жизнью, молодой офицер, как сообщает С. Я. Елпатьевский, записавший в 1912 г. то, что ему рассказывал Озеров, всеми средствами помогал полякам. «Дело было грязное, Озерову предстоял военный суд с вероятным решением расстрела» («Воспоминания». Л., 1929, стр. 385—389). Далее Елпатьевский сообщает, что «выручил» Озерова вел. кн. Константин Николаевич — шеф Волынского полка. Очевидно, не желая огласки, он устроил Озерову отставку якобы по болезни: 12 августа 1863 г. медицинская комиссия нашла у него начинающуюся бугорчатку легких и призвала продолжение военной службы для него невозможным, а приказом по военному ведомству от 3 октября 1863 г. Озеров был уволен в отставку по болезни.

На основании имеющихся данных можно высказать предположение, что Озеров принадлежал к офицерской революционной организации, созданной в Польше и в западных областях России в 1861—1863 гг. и возглавлявшейся А. А. Потебней. Сын жандармского генерала, типичного службиста времен Николая I и богатого помещика, Озеров, как рассказывает тот же Елпатьевский, «не пошел по стопам отца». Подобно многим представителям молодого офицерства, он испытал на себе решающее воздействие революционно-демократического подъема конца пятидесятых — начала шестидесятых годов. «Образовались кружки для обучения солдат, — пишет Елпатьевский, — изменилось отношение к нижним чинам, зачитывались новыми журналами и газетами, входило в молодые души и жадно впитывалось новое и светлое (...), и кончилось тем, что кавалерийский ротмистр Озеров, (...) в 1863 г. уже командовавший эскадроном,

во время подавления польского восстания, вместо ловли и расстрела, стал спасать несчастных поляков и всячески помогать им» (там же, стр. 385).

Что делал Озеров непосредственно после своей отставки, остается неизвестным. Но почти тотчас же, начиная с 1864 г., мы встречаемся с Озеровым в Петербурге и в Москве как с энергичным, умело законспирированным революционным деятелем.

Домбровский указывает, что «одной из последних жертв Муравьева» в процессе Каракозова был «запутан» и Озеров. Можно было предполагать на этом основании, что в громадном многотомном производстве Верховной следственной комиссии 1866 г. найдутся сведения о революционной деятельности Озерова в первой половине шестидесятых годов. И, действительно, имя Озерова мелькает во многих документах и встречается в нескольких делах комиссии и в Петербурге и в Москве. 21 июня 1866 г. следователь Московской следственной комиссии, подполковник Черевин, отправил специальную депешу Муравьеву. Сообщая о связях Озерова с польскими революционерами и обществом Ишутина («Организация»), обнаруженных следствием, Черевин просил принять меры к аресту Озерова. Однако выполнить это не удалось. «Краткий отчет по делам высочайше утвержденной в Петербурге следственной комиссии 1862—1871 гг.» содержит сведения о том, что в июне 1866 г. «успел скрыться за границу (...) злоумышленник, отставной штабс-ротмистр Озеров, который принимал деятельное участие в происках мятежных поляков и увез из Ардатова жену преступника Домбровского». Сведения эти соответствуют истине: из приведенного выше письма Ярослава Домбровского Герцену мы знаем, что Озеров действительно помог польскому революционеру спастись самому и выручить из ссылки жену. О том же рассказывает и жена Домбровского, поминая благодарным словом в своих мемуарах «одного из товарищей и друзей мужа», который, рискуя собой, приехал в место ее ссылки, Ардатов, и вывез ее оттуда. «Имя его — Озеров» (Pelagia Dąbrowska. Pamiętnik. «Twórczość», 1946, № 11). Дознались жандармы и еще об одном весьма существенном факте: о той помощи, которую оказал Озеров Ярославу Домбровскому в Петербурге, укрыв беглеца от преследований и содействуя его отъезду за границу. Характерно при этом, что, едва оказавшись за пределами России, Ярослав Домбровский тотчас принял меры, чтобы доказать непричастность Озерова к побегу Пелагеи Домбровской: он опубликовал в «Колоколе» (л. 200 от 15 июля 1865 г.) открытое письмо новгородскому гражданскому губернатору А. Одинцову, в котором подробно описывал свое собственное вымышленное путешествие в Ардатов за женой.

Хотя конспиративные приемы, применявшиеся Озеровым в 1864—1866 гг., не были вполне раскрыты агентами правительства, кое-какие данные о его революционной деятельности почерпнуть из архивных дел все-таки можно. Данные эти рассеяны по нескольким делам (ЦГИАМ, ф. III Отд., 1 эксп. 1866 г., № 100, части 74 и 142; 3 эксп. 1866 г., № 121; дела Верховной следственной комиссии 1866 г., №№ 7, 8, 16, 19 и 20; 3 эксп. 1874 г., № 87 и др.). В деле учителя московской гимназии Максимилиана Маркса, состоявшего членом польской организации в Москве, в деле Павла Маевского, руководителя той же организации, наконец, в деле третьего ее участника — Болеслава Шестаковича — мы находим сведения о систематических (начиная с июня 1864 г.) сношениях Озерова с этой организацией, о его специальных приездах по делам организации в Москву. В тех же материалах содержатся данные о поездках участников организации с поручениями к Озерову в Петербург. Сопоставляя разные показания, можно установить, что лицо, выступающее то под именем «Владимира Ивановича», то под именем «Степана Корнева», то в качестве «малоросса», то вновь «Владимира», но по отчеству «Андреевича» и т. д. — все тот же Озеров. «Это молодец, у которого имен, по крайней мере, пятнадцать», — говорится в показаниях одного из обвиняемых (ЦГИАМ. Дело Верховной следственной комиссии 1866 г., № 19, л. 116).

Но даже в тех случаях, когда следователям удавалось добиться у допрашиваемых некоторой откровенности и установить, что речь идет именно об Озерове, они все равно имели лишь смутное представление о нем самом и о его роли.

К сожалению, и от нас осталось скрытым конкретное содержание конспиративной работы Озерова в Москве и в Петербурге в 1864—1866 гг.; и мы знаем об Озерове с достоверностью только то, что он был еще со времени подготовки восстания 1863 г.

Le centenaire d'Alexandre Herzen

Le 6 avril 1912, il y aura cent ans qu'Alexandre Herzen naissait à Moscou. En Russie, où sa gloire d'écrivain et de promoteur de réformes politiques et sociales va grandissant tous les jours, l'on se prépare à célébrer solennellement la mémoire du brillant auteur d'*A qui la faute?*, des *Mémoires de ma vie*, de *De l'autre rive*, de l'éloquent publiciste, de l'ardent patriote qui, par son *Etoile polaire* et sa *Cloche*, a, avec son ami Ogareff, si profondément remué les esprits et contribué pour une si large part à la libération des serfs.

Mais ce n'est pas seulement en Russie que son centenaire doit être célébré. Herzen appartient aussi à tous les autres pays de l'Europe et à l'humanité tout entière. Il a été l'un des champions de ce grand parti démocratique européen qui pouvait se croire en 1847 et 1848 sur le point d'ouvrir pour tout l'Occident une ère de liberté et de justice sociale, et qui, vaincu en 1849 et

nes. Aussi, le 6 avril 1912, les représentants du parti démocratique de toutes les nations, les lettrés et les hommes de progrès de tous les pays voudront-ils se réunir auprès de sa tombe, à Nice, pour rendre hommage à son génie d'écrivain et à son œuvre de réformateur politique et social.

Nous convions à cette cérémonie commémorative tous les admirateurs de Herzen, tous les amis du peuple russe, tous les hommes dévoués aux idées de liberté et de justice, enfin tous ceux qui comprennent la beauté d'une vie entièrement consacrée; en dépit de tous les obstacles et de toutes les déceptions, à la poursuite infatigable d'un même idéal.

Le comité d'initiative :

Michel Delines, Frédéric Stackelberg, Michel Toumanoff.

Comité d'honneur : Gabriel Monod ; Pierre Kropotkine ; Georges Plékhanoff ; Alexandre Steinlen ; F. Buisson, député de la Seine ; Anatole France ; Lucien Descaves ; Elpatiewsky ; Alisson ; Oseroff ; A. Vallette, directeur du *Mercur de France* ; L. Dumas, etc.

«СТОЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕРЦЕНА»

Призыв комитетов по чествованию памяти Герцена собрался 6 апреля 1912 г. на его могиле в Ницце. Обращен к представителям международной демократии, к передовым людям всего мира, а также ко всем друзьям русского народа и почитателям писателя. Среди подписавших обращение Г. В. Плеханов, П. А. Кропоткин, В. М. Осеров, С. Я. Елпатьевский, Анастоль Франс, Ал. Стеинлен, Габриэль Моно и др.

Вырезка из неустановленной французской газеты. Начало и конец обращения

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

связан с Домбровским и другими польскими деятелями. В письме от 8 мая 1871 г. Озеров писал Лаврову о Домбровском: «... мы давно и хорошо друг друга знаем и испытали кое в чем...». Можно предположить на основании отдельных намеков, что в эти годы Озеров имел ближайшее отношение к организации московского офицерского общества (ЦГИАМ, ф. III Отд., 1 эксп. 1866 г., № 100, ч. 142: «О революционном обществе, составленном в Москве офицерами между собой»). Специальное дознание о связях Озерова с этим обществом продолжалось и в 1867 г., когда сам Озеров уже более года находился в эмиграции. 20 сентября 1867 г., получив сведения о том, что Озеров в Париже, следственная комиссия завела и на него особое дело. Ланской 2-й, председатель Верховной следственной комиссии, назначенный после смерти Муравьева, сообщил III Отделению приметы Озерова: «Высокого роста, худощав, около тридцати лет от роду, волосы русые, усы и борода едва заметны, носит высокую мягкую шляпу и пальто, преимущественно на руке». Но арестовать Озерова и на этот раз не удалось. В Париже «по самым тщательным расследованиям», произведенным агентами русской и французской полиции, «Владимира Озерова» не оказалось, установить же, под каким именем он скрывается, агенты не сумели. Отметим здесь, что, заранее подготавливая для французского правительства возможность, в соответствии с существовавшей тогда конвенцией, выдать Озерова России в качестве «уголовного преступника», III Отделение обвинило его в «прикосновенности к делу о подделке русских кредитных билетов». Это обвинение в дальнейшем фигурирует во всех распоряжениях об Озерове, исходящих из III Отделения, повторяется во всех жандармских сводках, вплоть до пресловутой X главы «Истории русского социально-революционного движения», написанной жандармским историком Н. Н. Голицыным. Надо ли говорить, что это грубая полицейская провокация!

Между тем, в это время в Париже русские и польские эмигранты организовали сапожную мастерскую, получившую довольно большую известность. Во главе этой своеобразной артели стоял «сапожник Альберт» — Альберт Шаховской — Озеров — человек, неиссякаемая энергия которого, жизнерадостность, трудолюбие и преданность друзьям вызывали уважение и привязанность товарищей.

В конце шестидесятых годов происходит сближение Озерова с Бакуниным. Увлеченный ширококестательными революционными проектами Бакунина, Озеров надеялся в их осуществлении найти применение своим недюжинным силам. Озеров становится одним из ближайших соратников Бакунина, принимает, в частности, вместе с ним участие в Лионском восстании 1870 г., во время которого спасает Бакунина от смерти. Тем не менее говорить о подлинной идейно-теоретической близости Озерова к Бакунину нет достаточных оснований. Сам Бакунин, признавая выдающиеся способности Озерова к практической революционной работе, называл его «плохим богословом», т. е. деятелем, если и не совсем чуждым, то достаточно равнодушным к проповедуемой Бакуниным анархистской теории. Характерно, что и в области практической революционной работы Озеров, в пору великого подъема рабочего движения, в дни Парижской Коммуны, действовал иногда вопреки противоречивым и сбивчивым советам и указаниям Бакунина. Озеров выступил энергичным, мужественным, уверенным в успехе участником борьбы за Коммуну. Об этом свидетельствует печатаемое ниже письмо его к Лаврову от 8 мая 1871 г., в котором Озеров развивает план создания партизанских отрядов, план организации «революционных элементов» в помощь Парижской Коммуне. Бакунин же, по собственному признанию, старался «всеми силами удержать» Озерова от предпринимавшихся им действий в защиту Коммуны; он пророчил ей гибель (см. письмо Бакунина к Озерову от 9 апреля 1871 г. — «Письма Мих. Ал. Бакунина к Ал. Ив. Герцену и Н. Пл. Огареву». Женева, 1896, стр. 419).

Публикуемые письма Озерова к Огареву показывают, что в последние годы жизни Бакунина Озеров отделился от него — просил даже не сообщать ему своего адреса и сам не знал, где находится Бакунин (см. письма от 5 декабря 1874 г. и от 20 сентября 1875 г.). Причиной разрыва между Озеровым и Бакуниным, по сообщению Жемса Гильома («L'Internationale. Documents et souvenirs. 1864—1878, par James Guillaume». Paris, 1905—1910, v. 3. p. 53), явилось «отстранение» Бакунина в декабре 1872 г.

от задуманного группой эмигрантов, при участии Озерова, издания журнала. По словам Озерова, инициаторы этого неосуществившегося издания опасались, что Бакунин «будет предаваться в нем бесполезной полемике, как это было по отношению к Марксу».

Весьма примечателен иронический отзыв Озерова о бакунинской программе немедленных бунтов. Озеров вспоминает об авантюристическом восстании, поднятом бакунистами в 1875 г. в Беневента и в этой связи пишет о «ребячестве», «несмыслии» и «путанице идей» (см. письмо от 15 апреля 1877 г.).

Жизнь и деятельность Озерова после подавления Парижской Коммуны мало известны. Из публикуемых писем к Огареву можно заключить, что после вынужденного отъезда из Женевы во Флоренцию в конце 1874 г. Озерову не удалось установить сколько-нибудь прочных связей с революционными кругами и постепенно он оторвался от практического участия в освободительном движении. Однако письма свидетельствуют о том, что Озеров сохранил веру в возможность этой деятельности и с глубоким сочувствием следил за революционной борьбой в России и на Западе.

В 1875 г. Озеров занялся педагогической деятельностью—давая уроки русским детям во Флоренции. Он мечтал об организации новой школы, чуждой рутинерства и педантизма, основанной на началах наглядного обучения, — школы, в которой были бы собраны только учителя, «преданные народу без фраз и совершенно», — как писал он Огареву. Но мечты его не могли воплотиться в жизнь.

Все публикуемые нами письма Озерова и его жены к Огареву проникнуты чувством давней, прочной дружбы. Зародилась она в конце шестидесятых годов, вероятно вскоре после того, как Герцен, находясь в Женеве, в сентябре 1866 г., получил цитируемое выше письмо Домбровского. Правда, у Герцена не нашлось возможности использовать Озерова, как советовал Домбровский, т. е. «для трудов в России». Редакция «Колокола» в это время — в период «белого террора» — не имела почти никаких связей с родиной. Осенью 1866 г. Герцен пришел к мысли прекратить издание «Колокола». Несмотря, однако, на эти тяжелые обстоятельства, Герцен отнесся к Озерову с большой сердечностью, о чем свидетельствуют довольно частые дружественные упоминания об Озерове в письмах Герцена и Огарева в течение последних трех лет жизни Герцена. Между прочим в одном из последних своих писем—от 10 января 1870 г. из Парижа Герцен сообщал Огареву, что Озеров, по его приглашению, начал давать уроки Лизе (XXI, 552). Это, конечно, только деталь, но она показывает, что Герцен питал к Озерову симпатию и полное доверие. За несколько дней до цитируемого письма, 5 января 1870 г., Огарев писал Герцену: «В Париже есть очень хороший человек — Озеров. Отыщи его непременно и тотчас и скажи ему, что я его письмо получил *, но раньше двух недель отвечать не буду. Адрес: rue Bréa, 19. Прими его отечески. Впрочем, я думаю, ты его знаешь» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 573).

Герцен в этом напоминании не нуждался. «Озерова (как ты знаешь) я знаю давным давно», — отвечал он Огареву (XXI, 548). Публикуемые нами письма жены Озерова к Огареву подтверждают, что в декабре 1869 г. знакомство Герцена с Озеровым сделалось еще более близким. После смерти Герцена дружба Огарева с Озеровым не прерывалась. В 1870 г. Озеров, вместе с Германом Лонатиным, переехал в Женеву. Начиная с этого времени, близость Озерова к Огареву с каждым годом все крепла. Летом 1870 г. Озеров принимал участие в попытках Огарева начать издание нового журнала «Русская община» или «Русский Восток» (см. «Лит. наследство», т. 64, 1953, стр. 576—578). Из писем Озерова видно, что в 1872—1873 гг. он неизменно принимал участие во всех подобных попытках Огарева. О политической близости Озерова к Огареву свидетельствует также тот факт, что программное выступление Огарева «Знание и революция» (1874), направленное против Лаврова и Ткачева, было задумано как дружеское «Письмо к Озерову». Даже в ту тяжелую для русских революционеров пору (октябрь 1874 г.), когда, по настоянию русского правительства, Швейцария отказала им в праве убежища и Огарев вынужден был уехать в Англию, а Озеров — в Италию, дружба их не прерывалась. Публикуемые письма, в большей своей части, относятся

* Этого письма в нашем распоряжении нет. — *Ред.*

именно к этому периоду. С Огаревым Озеров делился всеми своими надеждами, мыслями и мечтами. Мечтал же он более всего о том, чтобы раздобыть денег и начать вместе с Огаревым издавать журнал—«вновь зазвонить, хоть не в Колокол, а хоть в колокольчик»; он был уверен—вместе они найдут, что «сказать добрым людям».

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 161).

Четыре письма см. ниже, в отделе «Аннотаций».

1

Ал. ОЗЕРОВА—ОГАРЕВУ

(Париж.) 3 ноября 1869

Не умею выразить вам мою благодарность, дорогой Николай Платонович, за такое искреннее участие ваше ко мне. Через вас же я нашла его и здесь, в друзьях ваших, которым вы говорили обо мне с такой добротой. Хотя я мало просвещенный человек, но способна ценить и дорожить теплым, искренним участием, встречающимся в жизни так редко и которое так нужно таким людям, как я...

Александр Иванович одолжил нам 125 francs. Правда, денежный вопрос был так важен, что кружил нам голову... но я гораздо более была тронута тем неподдельным вниманием, которое выказали нам обоим Александр Иванович и Наталья Алексеевна.

Весьма сожалею, что болезнь помешала мне поблагодарить их лично. Теперь же мое здоровье лучше гораздо, т. е. сравнительно.

Не писала раньше потому, что не знала вашего нового адреса, на Бакунина тоже не могла рассчитывать, зная, что в Женеве он останется недолго.

Кончаю мои несколько слов тем, что скажу вам, дорогой Николай Платонович, из глубины души, до которой проникло меня удовольствие знать вас, что день моего знакомства с вами был одним из лучших дней в моей жизни.

Глубоко преданная вам

А. Озерова¹

Дайте хотя изредка о себе весть вашим новым друзьям.

Paris, rue Bréa, 19, Mr Ozeroff.

¹ Александра (Саша) *Озерова* — первая жена В. М. Озерова.

2

А. и В. М. ОЗЕРОВЫ—ОГАРЕВУ

(Париж. 15 декабря 1869 г.)

Не отвечали мы¹ вам, Николай Платоныч, по многим причинам: первая — потому, что рассчитывали дать вам весть о себе чрез одного приятеля нашего, который должен был недели две тому назад навестить вас в Женеве... Некоторые из поручений ваших исполнили, постараемся сообщить вам при удобном случае².

Насчет статьи — присылайте; постараемся поместить как можно скорее в журнал, номер которого получите от Мишеля («Travail»)³; этот журнал распространен между работниками, и, прочитавши номер, будете сами судить о направлении и духе его.

Если же почему-либо желаете поместить статью вашу непременно в один из буржуазных журналов — например «Siècle» или какой-нибудь другой, то сообщите — постараемся, хотя за успех не ручаемся⁴.

Мы не имеем никаких известий от А. И. Будет ли он в Париже?⁵

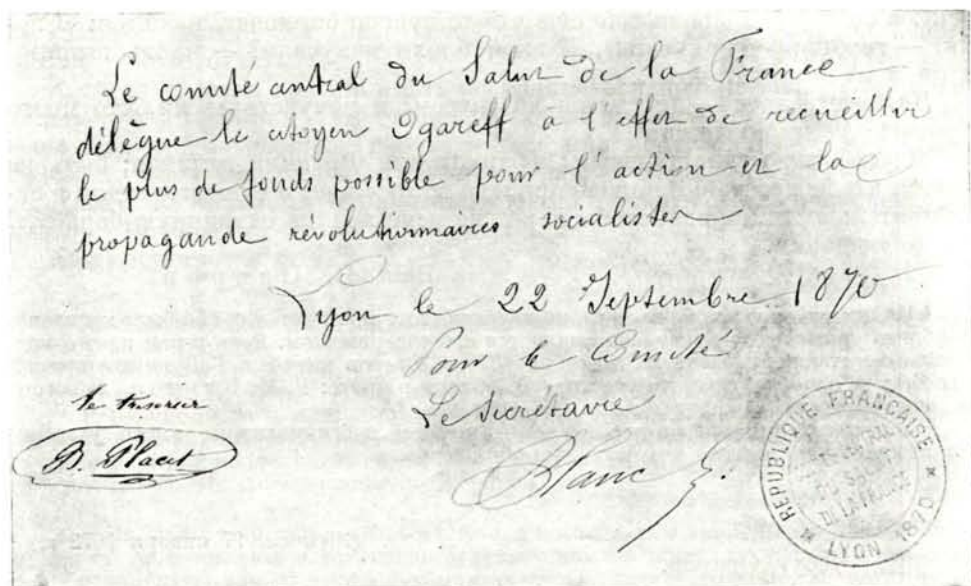
Пишите нам что-нибудь о новостях отечественных. Хотелось бы вновь побывать в Женеве и о многом поговорить с вами, но в настоящем нашем положении мы об этом и мечтать не смеем⁶.

Когда приходят минуты сомнения и вера начинает колебаться, я вспоминаю вас, Николай Платонович, и вновь оживаю духом. Теперь из этого без многих слов вы поймете, какое значение имело для меня наше знакомство, а посему вы приобрели во мне искреннего и преданного вам друга.

А. О з е р о в а

15 декабря 1869, Париж.

Пришлите нам *не прямой* ваш адрес, чтобы писать в случае надобности.
Rue Bréa, 19. Paris.
Oseroff.

МАНДАТ, ВЫДАННЫЙ ОГАРЕВУ «ЦЕНТРАЛЬНЫМ КОМИТЕТОМ СПАСЕНИЯ ФРАНЦИИ» В ДНИ ЛИОНСКОГО ВОССТАНИЯ (СЕНТЯБРЬ 1870 г.)

Огареву поручался сбор средств на революционное дело и социалистическую пропаганду
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

¹ Письмо написано А. Озеровой от имени обоих супругов.

² О каких поручениях Огарева идет речь — выяснить не удалось.

³ Газеты «Travail» в московских книгохранилищах нет, а потому установить, была ли помещена в этой газете статья Огарева и какая именно — не представилось возможным. Мишель—Бакунин.

⁴ В газете «Siècle» за 1870 г. статей Огарева нет.

⁵ Герцен приехал в Париж (из Лиона) через четыре дня, 19 декабря.

⁶ В конце 1869 г. Озеровы находились в особенно трудном материальном положении.

Николай Платонович!

Прошу вас, добрый друг, уведомьте меня, что случилось с моей сожительницей? Ни писем и никаких известий не имею. 3-й день жду ее и m-me Blanc ² и, не видя их, ничего не зная, сильно беспокоюсь — не случилось ли чего с ними в дороге, если они выехали уже?

Работаем мы тут без усталости, без отдыха, без милосердия, не давая никому даже дух перевести, и сами не переводя духа стремимся и хотим увлечь за собой... тех, кто захочет пойти...

Стимулы есть великие, понимание своего положения тоже начинает выясняться, но... посмотрим, есть ли у французов силы — живые силы!.. Глубоки следы, оставленные восемнадцатилетним рабством и систематическим растлением и деморализацией подлой и гнусной памяти наполеоновской администрации... Нужно страшное усилие, чтобы народ вырвал эти подлые корни. Весь поголовно мещанский и близко прикасающийся к мещанству мир должен сгинуть — иначе нет спасения... Теперь, только теперь видно, как систематически, с каким искусством привиты французам рабско-полицейские инстинкты и привычки; одна нетронутая, не испорченная, не зачумленная почва — рабочий, а он медленно просыпается... Треплют его, за воротник ухвативши: «Проснись, добрый человек», а он пока со сна только еще что-то неясно бормочет, кажется: «Блохи, — говорит, — искусали». Какой блохи искусали? — кровь выпили, а он и не замечает пока...

Да, еще задача — проснется ли совсем? и почувствует ли, что много крови-то у него выпили?

Идешь, что будет дальше. Опасность для Франции великая; быть не может, чтобы при таком положении, где вопрос идет о существовании и самостоятельности народа, чтобы народ не решился на отчаянную борьбу...

До свидания.

Ваш В. Озеров

¹ На письме не указаны ни дата, ни название того места, откуда оно было написано. Приблизительная дата письма определяется его содержанием. Речь в нем идет о подготовке восстания в Лионе 28 сентября 1870 г. Озеров вместе с Бакуниным принял в восстании непосредственное участие (см. об этом в книге: Р. М. Кантор. В погоне за Нечаевым, изд. 2. Л., 1926, стр. 96—109).

² «Сожительница» и «*т-те Blanc*» — вероятно, конспиративные имена участников восстания, прибытия которых ожидал Озеров.

4

(Женева. 17 января 1872 г.) ¹

Друг Огарев.

Ты, я думаю, полагаешь, что я погиб или умер, что так давно не видались; а между прочим, у меня всего только страшнейший насморк.

В пятницу только буду у тебя, чтоб окончательно поговорить о нашем деле ², которое надо подвигать поскорей, если есть надежда на добычу средств.

Из Цюриха пишут, что Нечаев там устраивает свой лагерь и, о удивление! еще находит честную молодежь, соблазняющуюся его фокусами!!!

Странное, право, наше юношество!..

До свидания.

Твой Озеров

17 января

¹ Год определяется упоминанием о том, что Нечаев «устраивает свой лагерь» в Цюрихе.

² «Дело», о котором говорится в письме, — организация журнала. См. об этом в следующем письме.

5

(Женева. Весна 1872 г.) ¹

Друг Ага

Я не то здоров, не то болен — однако ничего. Скверно то, что ходить не могу.

Вот тебе адрес Бакунина: Locarno (Tessin), Albergo del Gallo, Signore Michele.

А вот другой: Locarno (Tessin), Signore Paolo Gavirotti (Farmachista), per Michele.

Соколов² просил меня уведомить тебя, чтоб ты его не ждал сегодня. Он вчерашний день уехал *экстренно* в Цюрих, хлопотать по окончательному устройству *журнала* и русской типографии, за ним приезжал и увез его вчера наш общий знакомый *Росс*³. На днях ты получишь из Цюриха приглашение участвовать в журнале, а также, вероятно, и программу журнала⁴. Очень рад, что могу тебя порадовать этим известием, всегдашняя твоя мечта осуществится, и ты еще можешь быть полезен и работать.

Твой В. Озеров

Пришлю тебе по почте книжку Соколова: «Отщепенцы»⁵, а ты вышли мне по городской почте августовскую книгу «Отечественных записок» за 1871 год, которую я давно хотел взять у тебя, да все забывал. Книга чужая — надо отдать.

А ты, друг, если хочешь иметь постоянно русские журналы или книги, то адресуйся в Цюрих; там юноши устроили чудесную библиотеку — найдешь все, что захочешь. Требуй, и тебе пришлют *каталоги*. Вот адрес: Herrn A. Ross, Oberstrasse, Bremenschlünel (4 Stock), Zürich.

Книги по правилам библиотеки можно держать в продолжение трех недель. Вообще из каталогов узнаешь все правила.

Саша кланяется тебе.

В. Озеров

¹ Приблизительная дата письма устанавливается временем организации русской библиотеки в Цюрихе.

² Н. В. Соколов — автор «Отщепенцев», см. примеч. 5.

³ *Росс* — М. П. Сажин. См. в настоящем томе публикацию его письма Огареву.

⁴ Повидимому, речь идет о русском журнале, который в это время предполагал издавать в Цюрихе В. М. Александров. Издание не осуществилось.

В «пражской коллекции», среди писем Озерова к Огареву, сохранилось следующее письмо В. М. Александрова к Озерову:

2 февраля (1872 г.) Цюрих

Озеров, пользуюсь превосходным случаем поговорить с вами. Через Женеву будет проезжать мой товарищ и сотрудник будущего нашего журнала, г-н Заблоцкий, чем его и рекомендую вам. В настоящую минуту весьма интересно знать, на чем стоит это дело, «журнал», ибо есть возможность скоро взяться за дело или же приходится отложить в долгий ящик. Г-н Заблоцкий будет проездом в Цюрихе и может мне передать все. Я потому предпочитаю такой способ сношений, что 1) небезопасно доверять это дело письму, 2) в письме трудно обстоятельно и подробно передать все, 3) желательно, чтобы и вы познакомились с ним, как с будущим содеем.

Александров

⁵ Книга Н. В. Соколова «Отщепенцы» впервые вышла в свет в Петербурге в 1866 г. и была тотчас же конфискована. В 1872 г. В. М. Александров, при содействии эмигрантки Веры Любатович и польского эмигранта Живко, переиздал эту книгу в Женеве.

6

«Женева. Вторая половина октября 1872 г. ?»¹

Николай Платонович!

Пожалуйста, прочти прилагаемую при сем статью (присланную из Цюриха) и постарайся ее поправить, и потом непременно надо поместить в «Suisse radicale», не теряя времени.

Твой В. Озеров

¹ Датируется предположительно по письму Огарева в редакцию «Suisse radicale» от 29 октября 1872 г.: «Я предлагаю вам опубликовать в вашем уважаемом журнале прилагаемую при сем статью, которую я получил из Цюриха» (перевод с французского черновика письма; см. «Звенья», VI, 1936, стр. 412). Если речь здесь идет о той же статье, о которой пишет Озеров, то записка его относится ко второй половине октября 1872 г.

Отсутствие в библиотеках Москвы и Ленинграда комплекта газеты «Suisse radicale» не дает нам возможности установить, была ли напечатана статья, каково было содержание ее, а также имя автора.

⟨Женева. 28 февраля 1873 г.⟩

Любезный друг!

Получил твою записочку и отвечаю немедленно.

Гольденберга¹ знаю настолько, что могу сказать: он не шпион. Дело, по которому он приходил к тебе, мне тоже известно. Оно действительно необходимо, ввиду того что швейцарское правительство начинает нас теснить всеми способами².

Как твоё здоровье? Я же не совсем здоров, потому что погода подлейшая.

Получил ли ты письмо от Бакунина в ответ на твоё?³

До свиданья.

Саша тебе кланяется.

Твой В. О з е р о в

28 февраля 1873 года

Ruelle du Midi, № 10

¹ Лазарь Гольденберг — революционер-эмигрант. В записной книжке Огарева, хранящейся в ЛБ, содержится запись, сделанная рукой Гольденберга (см. «Эвенья», VI, 1936, стр. 408).

² Вместе с другими русскими политическими эмигрантами Гольденберг подписал протест против ареста Нечаева в Швейцарии. Посетил он Огарева, повидимому, в связи с распоряжениями швейцарского правительства, направленными против русской революционной эмиграции.

³ Вероятно, речь идет о письме Огарева к М. А. Бакунину от 22 февраля 1873 г. В этом письме Огарев просил сообщить ему программу «Русского сборника», который должен был издаваться в Цюрихе при участии Бакунина. Ответное письмо неизвестно.

⟨Баден. 24 августа 1873 г.⟩

Посылаю тебе свою карточку.

Насчет Генри — думаю, что следует остановиться на *первом* предложении, т. е. из Киева, тем более, что г-жу обнадежили¹.

Если имеешь время и охоту, то пиши мне, пожалуйста, почаще. Я страшно скучаю, а в Цюрих, куда хоть всего $\frac{3}{4}$ часа пути из Бадена², ездить тоже не хочется — скучно встречать маленьких-великих людей.

Здесьшний один мой знакомый француз Reclus дал мне журнал «Дело» с условием, чтобы я чрез 8 дней отправил его к Наталье Алексеевне, но так как я не продержал 8 дней, а всего 3 дня, то посылаю тебе этот журнал для того именно, чтобы ты прочел в нем *одну* статью — «Тенденциозный роман» и по прочтении немедленно отправил бы Наталье Алексеевне. Адрес ты, верно, знаешь, а если не знаешь, то на книжке написан. Я нахожу эту статью именно такой, какие я хотел бы видеть в русской литературе как можно почаще. Именно пора наступила таких статей. Ты знаешь, как часто я говорил с тобой об этом. Автор статьи «Тенденциозный роман» предвосхитил у меня идею... но тем лучше³.

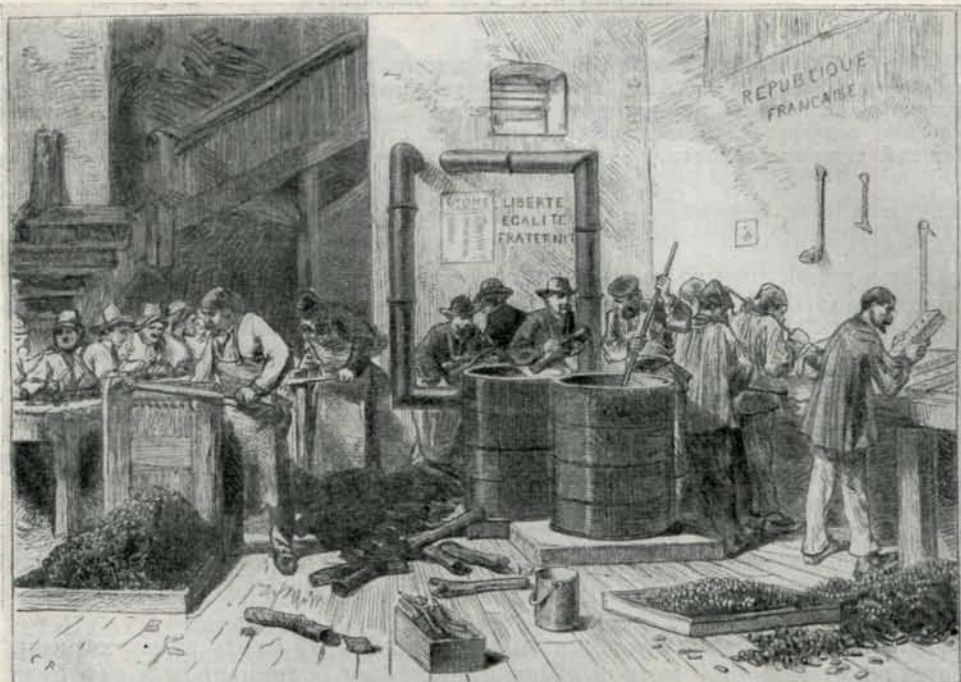
Будь здоров, мой добрый друг, и пиши мне, пожалуйста, хоть два слова. До свиданья. К 1-му или 5-му сентября я буду обратно в Женеву.

Твой В. О з е р о в

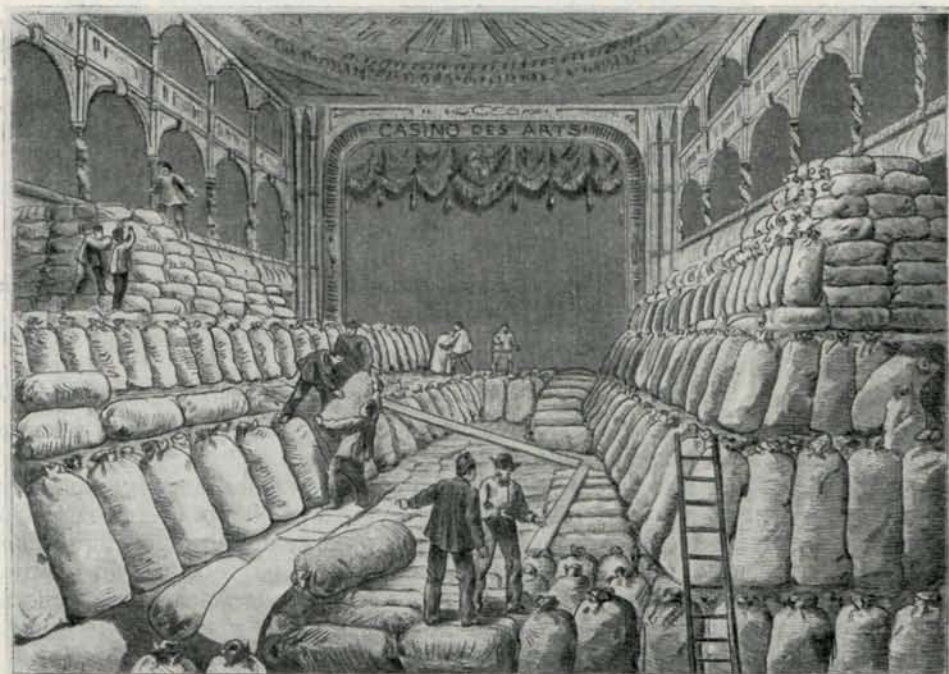
¹ В 1873 г. Генри Сетерленд был приглашен помещицей Каневского уезда Киевской губернии Янковской на должность учителя в школе, устроенной ею для крестьянских детей.

² Город в северной Швейцарии, в кантоне Аарглу.

³ Статья П. Н. Ткачева (Т. Постного) «Тенденциозный роман» напечатана в февральской, июньской и июльской книжках «Дела». В письме к Т. П. Пассек от 31 августа 1873 г. Огарев писал об этой статье: «В июльском № „Дела“ прочти статью о тенденциозном романе „Заволжье“ и биографии Пушкина. Замечательно» («Полярная звезда», 1881, № 3, стр. 73).

MAKING CHAMPEFUY BULLETS AT LYONS.

PREPARING FOR THE SIEGE OF LYONS. STORING FOOD AND BULLETS IN THE CASINO DES ARTS.

ЛИОН В ДНИ ВОССТАНИЯ (СЕНТЯБРЬ 1870 г.)

Изготовление ружейных пуль (верхний рисунок). Запасы провианта, сложенные в помещении театра (нижний рисунок)

«The Illustrated London News», 1870, № 1627 от 17 декабря

Статья Ткачева посвящена разбору вышедшего в 1872 г. в Петербурге Собрания сочинений А. Михайлова (А. К. Шеллера-Михайлова). Определяя, каким требованиям должно удовлетворять литературное произведение, критик в числе этих требований особенно подчеркивает необходимость правдиво отражать жизнь и недопустимость ложной тенденциозности.

9

15 декабря 1873 г
Sonvillier

Вот я и добрался до места назначения и теперь посылаю тебе мой адрес: Suisse. Sonvillier (Jura Bernois). A m-r Adhemar Schwitzguebel (graveur) pour m-r Jean ¹.

Странный способ лечения ревматизмов предписывает мне доктор: ходить по пять часов в день безостановочно, а на другой день горячую ванну с поташем, а потом электризация. Вероятно, я пробуду здесь недели две. Погода тут превосходная, солнце, при небольшом морозе градусов в 5, кругом лес сосновый и еловый, весь в инее, все покрыто снегом, летают галки и вороны, как в России... по лесной дороге везут дрова на санях и подводчики так же, как в России, забегают в каждый встречный кабачок (которых тоже много) пропустить чарочку... и на кабачке так же, как в России, красуется елка с бутылочкой. Люди идут и едут в рукавицах и валенках.

На днях я отправляюсь в самые высокие горы на охоту за глухарями. (Горы высотой в 4000 метров.) Иду с знакомым браконьером и сам буду охотиться, как браконьер, т. е. без всяких билетов на позволение истреблять лесных граждан. Эта возможность обойти буржуазные порядки и законы составляет для меня двойную прелесть, а горы и лес тут такие, что сам черт меня не поймает...

Если убью глухаря, пришлю тебе по железной дороге. Деревушка, в которой живет мой доктор, находится в Бернском кантоне, почти на границе Невшательского, от Невшательского озера часа два ходьбы. Высоко на Юрских горах (2000 ф.), однако разницы в градусах холода, сравнительно с Женовой, я не замечаю, разница только та, что тут лежит снег вершка в два глубины.

До свиданья, кланяйся Мери и пиши по адресу, данному тебе выше.

Твой В. О з е р о в

¹ Адгемар *Швицгебель*, гостеприимством которого в Sonvillier пользовался Озеров, — соратник Бакунина.

10

(Сонвиллье.) 18 декабря 1873

Письмо твое получил и спешу отвечать, потому что в прошлом письме моем позабыл сказать тебе насчет часов.

Ежели m-rs Maugu не ходила еще за покупкой часов по адресу, данному ей мной, то пусть и не ходит. Я здесь могу купить за 30 или 35 frs. гораздо лучшие часы, *серебряные* и прямо с фабрики; итак, ежели желаешь приобрести часы, то напиши — я сейчас куплю и вышлю тебе их по почте. Денег же на покупку не посылай, *отдашь после, когда увидимся*. Я здесь могу купить в кредит или заплачу свои деньги (*что меня не стеснит*).

Напиши, не имеешь ли известий от Ненгу и что он пишет нового?

Был ли ты у Фази ¹ насчет разъяснения «положения эмигрантов в Швейцарии после заключения ею трактата с Россией о выдаче уголовных преступников»? Напиши мне также о результате твоего свидания с ним. Не был ли у тебя с визитом некий *Ковальский*, он должен был побывать у тебя на днях. Этот Ковальский, кажется, порядочный человек; если будет у тебя, то поговори с ним подробно; может быть, мы с ним и сойдемся.

Он женат и живет пока в Швейцарии, в Montreux, для здоровья своей больной жены; сами они из Харькова ².

До свиданья, кланяйся m-rs Mary и, если найдешь что писать мне, то пиши поскорей.

Твой В. Озеров

P. S. Адрес тот же, т. е.: Suisse. Sonvillier (Jura Bernois). A m-r Adhemar Schwitzguebel (graveur) pour m-r Jean.

¹ Джемс Фазз — швейцарский политический деятель; в 1873 г. — президент Женевы (см. о нем в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, по указателю).

² Речь идет о революционерке семидесятых годов, Елизавете Николаевне Ковальской (урожд. Солнцевой) и о ее муже, Якове Игнатьевиче Ковальском.

11

(Сонвиллье.) 24 декабря 1873

Получил твои оба письма. 1-е, при котором ты послал мне письмо Ненгу, а второе — ответ на мое (по вопросу о часах). На этой неделе, вероятно в пятницу, вышлю тебе и часы.

Скучаю порядочно; здоровье немного лучше, исключая кашля, который все не отвязывается, проклятый.

На охоту еще не ходил — дожди помешали. Читаю от скуки Дарвинову теорию «О происхождении видов». Понимаю, как могли произойти разные породы зверей, начиная от инфузории и до обезьяны включительно, но никак не могу понять, как мог произойти сам европейский человек!.. (которому, однакож, в книжке Дарвина расточаются только одни похвалы — за цивилизацию!?!)

Что ты подделываешь? идет ли твой перевод для итальянца ¹, а я все думаю, неужели же так-таки мы и не соберемся со средствами, чтобы *начать свое*? ²

Надеюсь, начнем весной. Раньше не думаю, чтобы удалось собраться со средствами. А как тяжело живется без дела по сердцу! Отвратительно скучно.

После нового года, 3-го или 4-го, возвращусь в Женеву и явлюсь к вам есть улиток. Тут отвратительно кормят меня, хотя очень дешево. Надеюсь все-таки, что хоть зайцев пару подстрелю — потому тут их много, и в моем распоряжении имеются собаки. Стало быть, как погода позволит, так и отправлюсь *браконировать*, — а что хорошенького зайца или тетерева, если удастся подстрелить, то непременно пришлю. Постараюсь к новому году, чтобы доставить удовольствие m-rs Mary, которую благодарю за память.

До свидания, добрый мой друг.

Не забывая твоего

В. Озерова

¹ Огарев переводил на французский язык свои стихотворения для Дж.-Б. Гандольфи, который переводил их затем с французского на итальянский (см. ниже в настоящем томе аннотации писем Гандольфи к Огареву).

² Озеров все время мечтал о создании вместе с Огаревым собственного журнала

12

30 декабря 1873. Sonvillier.
(Jura Bernois)

Здоров ли ты, друг мой? Что давно нет от тебя писем?

Я почти здоров, т. е. настолько, что в стужу и метель могу делать экспедиции в горы на охоту — и безнаказанно.

Два раза был на охоте, первый — очень удачно: убил огромного зайца. Второй же раз, отправившись за глухарями в самые дикие горы, со мной

было небольшое приключение. Я вышел на охоту до свету часа за 4, чтобы к свету быть на месте, т. е. на вершине самой высокой, дикой и поросшей старым еловым лесом горы. Перед тем днем выпал глубокий снег — ночь была тихая и морозная, и стал я карабкаться на гору по скользким обрывам над глубокими пропастями... где на четвереньках, где придерживаясь за деревья — на снегу при звездном небе хорошо видно. Благополучно совершил я мое довольно опасное путешествие. К свету был на вершине. Лес сосновый, огромный, точно наши русские леса. Глушь и пустыня. Торжествовал я удачу моего смелого и утомительного путешествия и радовался тому, что, значит, еще ноги не изменяют, и рассчитывал уж непременно подстрелить *глухаря* и к новому году торжественно прислать его Мери, великой артистке кулинарного дела..., но, не убивши медведя, как говорит пословица, нельзя продавать его шкуры. Светом задула *биза*, поднялась метель — зги не видно. Сосны стало ломать, с вершины горы стали сыпаться огромные глыбы камня, и я, притаившись под навесом скалы, рад был радехонек, что нашел хоть такое убежище. Я был в безопасности, скала защищала меня, а кругом была такая дикая, но родная сердцу картина, что я позабыл холод и любовался метелью, и воем ветра, и качаньем растрепанных сосен...

Наконец, к полдню я решил спуститься на подветренный, т. е. северный, склон горы, куда не падали обломки скал, что и совершил благополучно. Добравшись до первой мужицкой избушки, я зашел в нее и там встретил добрых стариков-хозяев, которые меня отогрели, усадив *на печку* (такую, как у наших мужиков), накормили картофелем с маслом и потом проводили на дорогу. Так окончилась моя вторая экспедиция на охоту. На днях, пользуясь чудесной установившейся тихой и светлой погодой, я опять отправлюсь.

Ну, до свиданья, друг мой, будь здоров, желаю тебе и Мери хорошо встретить новый год; я дней чрез 10 возвращусь и с собой привезу часы, которые теперь *выверяются* у мастера. Часы очень хорошие, с *двумя* серебряными крышками.

Пиши скорей.

Твой В. О з е р о в

Адрес тот же.

P. S. От Саши получил письма. Она здорова и очень, очень кланяется тебе и Мери.

(Женева. 7 октября 1874 г.)

Извини, что долго так не отвечал ¹. За хлопотами было некогда. Мы собираемся выезжать из Женевы ² во Флоренцию, где, говорят, много русских, так что надеюсь прожить там уроками, в ожидании чего лучшего.

Очень рад, что вы с Мери добрались благополучно в Newcastle. Конечно, там во всех отношениях лучше, чем в Швейцарии. Ежели ты похлопочешь о том, чтобы мне найти какую-нибудь работу, которая давала бы мне вместе с Сашей возможность жить, то я с радостью перееду в Англию, чтобы вместе с тобой начать настоящую работу (иную, не для собственного куска хлеба), но так как у меня других средств к существованию нет, кроме работы, то я и не в состоянии буду приехать в Англию, не обеспечив себе какого-нибудь занятия или места франков на двести в месяц.

Если у тебя найдутся знакомые, то чрез них ты можешь приискывать мне место: или в каком-нибудь бюро, или торговой конторе, или по части хлебной торговли с Россией, или в компании пароходства — вообще везде, где потребуется человек, знающий по-русски, французски и итальянски.

УЛИЦА В РАБОЧЕМ КВАРТАЛЕ
ЛИОНА«The Illustrated London News», 1870,
№ 1627, от 17 декабря

Очень бы мне хотелось быть вместе с тобой, и я надеюсь, что это удастся, если и ты чрез знакомых своих похлопочешь³.

В России много нового. Аресты, аресты, аресты. Во всех провинциях. Говорят, арестовано до *пяти тысяч* человек *разных сословий*⁴.

В то же время готовят *дворянскую конституцию*!!

В «Неделе», а главное в «Русском мире» (журнале наследника), разбирается проект этой новой конституции⁵. Чудеса!

Чрез неделю мы с Сашей уезжаем во Флоренцию, откуда и пришлем тебе наш адрес. Пиши туда на имя Герцена⁶ с передачей мне.

Что новенького слышно от Генри? Я от него не имею писем более трех месяцев. Где он теперь? в деревне или в Варшаве вместе с Янковской?

Вот, кажется, все. Я не совсем здоров: ревматизм сердца мучит. До свиданья, очень кланяйся Mary и не забывай твоего

В. Озерова

7 октября 1874 г.
Женева

¹ Письмо Огарева, на которое отвечает Озеров, неизвестно.

² 5 мая 1874 г. под нажимом царского правительства швейцарские власти предложили девятинадцати русским эмигрантам, в том числе Огареву и Озерову, покинуть пределы Швейцарии. Хотя это распоряжение вскоре было отменено, жить в Швейцарии русским революционерам сделалось небезопасно, и осенью 1874 г. Огарев и Озеров уехали: Огарев — в Англию, Озеров — в Италию.

³ О хлопотах Огарева по подысканию работы для Озерова в Англии см. на стр. 290 настоящего тома.

⁴ 1874 г. был годом наибольшего подъема того движения, которое известно под названием «хождения в народ». По официальным данным, оно охватило 37 губерний.

В течение 1874 г. из рядов активной народнической интеллигенции было вырвано репрессивными мероприятиями властей около 1000 человек.

⁵ Озеров, вероятно, имеет в виду печатавшуюся во многих номерах «Русского мира» статью Р. А. Фадеева «Чем нам быть?». Этот махровый реакционер пытался доказать в своей статье, что привилегии дворянства в России не могут быть стеснительны для народа. В трех номерах «Недели» за 1874 г. (№№ 36, 37, 40) были напечатаны отклики на статью Фадеева («Проект общественного переустройства», «Бесформенность как система» и «По поводу двух наших статей»).

⁶ Сын Герцена, Александр Александрович, жил в это время во Флоренции.

14

10 ноября (1874 г.) Флоренция

Вот мы, наконец, и во Флоренции. Не знаю, что пошлет судьба, — пока еще ничего не видно. С 15 октября мы приехали сюда, но до сих пор за хлопотами я не мог собраться, чтобы написать тебе.

Недавно получил письмо от Родичева ¹ из Питера и посылаю его тебе. Наталья Александровна вместе с Лизой были у нас и оставили нам твой новый адрес. Только адрес этот мне кажется не совсем ясным, однако посылаю письмо, а ты, отвечая мне, повтори в своем письме этот адрес.

Флоренция и Италия мне не нравятся — какая-то скучная сторона, тут все наизусть, начиная от ключей и замков, запирающихся и отмыкающихся наизусть, однако жить покойней и дешевле, чем в Женеве, а главное — что никто тебя не спрашивает, кто ты, зачем и почему? А уж это удобство немалое.

Уроков и работы пока никакой не нашел, а надежды есть: русских семейств, проводящих здесь зиму, таки число порядочное.

Недавно получил письмо от Генри. Из письма Родичева увидишь, что он собирается написать статейку о русских крестьянских бунтах; на первый раз хочет написать о Бездненском деле (в 1861 году); печатать будет за границей, поручит нам. Вероятно, придется печатать в Женеве в типографии *Трусова* ², с которым я говорил и который на это согласен; он берет дешевле других и печатает все, что дадут; это единственная доступная для всех русских революционная типография.

Письма Родичева очень интересны, но не знаю только, как отписать ему, боюсь за него.

В России просто дошли до дикого бешенства — хватают всех ни за что, ни про что. Десятками сылают по одному подозрению. Это вседелки нового начальника III Отделения *Потанова* ³. Хочет отличиться! — а другие говорят, что хотят запугать царя, чтобы дал дворянскую конституцию!! Эка, Англия их соблазняет... Это все хорошо, да где возьмешь в России английскую аристократию... Чудаки, право, и старые шалуны... Поскорей бы уж дошалились до чего-нибудь.

Мы с Сашей почти здоровы, только от холодных каменных полов горло все простуживаем.

Кланяйся Мери много, много; мы с Сашей часто об вас говорим и вспоминаем и радуемся, что вам в Англии поспокойней женевского...

Вот тебе наш верный адрес: Italia, Firenze. Via Nazionale, 38a. 3 piano. До свиданья, пока больше сказать нечего.

Твой В. Озеров

¹ О Ф. И. Родичеве см. ниже, во вступительной заметке к публикации его писем к Огареву.

² Об А. Д. Трусове см. в приложении к публикации писем Н. И. Утина к Герцену и Огареву.

³ Генерал-адъютант А. Л. Потанов был шефом жалдармов и главным начальником III Отделения с 1874 по 1876 г.

15

5 декабря (1874 г.) Флоренция

Добрый мой друг,
Николай Платонович.

Давненько я не писал тебе, ты, я думаю, беспокоишься? Не писал потому, что был нездоров, сперва я, а потом Саша; ко всему еще и бесконечные хлопоты о приискании работы... работы же пока не нашел — нет ни уроков, ни переводов; не знаю, как и чем мы будем жить; но я не бескуражусь: поискавши хорошенько, а главное, познакомившись с здешними русскими, наверное, найдется. Все же здесь лучше, чем в Женеве.

Был я раз у Александра Александровича. Он меня принял хорошо и любезно, хотя я и не думаю, чтобы чрез него нашел какое-нибудь занятие; ему не до нас; он слишком занят и своими делами, да и навязываться с просьбами не хочется; как-нибудь и сами пробьемся, а может быть, когда он устроит свое *мясное дело*¹, то тогда при том деле будет занятие и для меня.

Что тебе сказать еще о нашем житье-бытье? Мы с Сашей часто вспоминаем тебя и Магу. Много тут у нас завелось знакомых русских, да ни одного душевного человека... Среди людей — пустыня!.. А я все думаю, как бы от какого хорошего человека денег раздобыть на наш журнал; недурно было бы! Надеюсь, что рано или поздно встречусь-таки с каким-нибудь честным и смелым человеком и чрез него устрою возможность вновь зазвонить, хоть не в Колокол, а хоть в колокольчик... Сказать добрым людям мы бы нашли что. Я, вот, соберусь с силами да и напишу что-нибудь, то, что давно лежит на душе... тебе пришлось на прочтение и добавление, и пусть лежит до поры до времени, пока или заработаю, или добуду другим путем денег на напечатание. А ты тоже, с своей стороны, как придет мысль какая, не откладывай, а сейчас пиши; ничего, что не можешь печатать, пусть лежит; время придет — напечатаем.

Я все силы употребляю, чтобы знакомиться с людьми и завести связи... да что поделаешь? В наше время симпатичных, чутких и откликающихся на зов людей так мало, как на бесплодной ниве колосьев — «колос от колоса не слышно и голоса».

Ну, вот, друг, будет. Знаю, что не любишь длинных писем. А ты мне пиши хоть самые длинные, твои письма я люблю; только пиши чаще и не сердись, что я редко пишу, да франкируй свои письма, а то прошлое письмо ты недостаточно офранкировал, а итальянская почта содрала с меня 1 f. 20 с.

Много и крепко кланяется тебе Саша; Магу также передай наш дружеский поклон, да не забывайте нас, искренне любящих вас обоих.

А. и В. О з е р о в ы

От Henry получил письмо недавно. Ему хорошо.

Р. S. Что-то тебе писал Михаил Александрович? Если помнишь — сообщи. Да, пожалуйста, ему моего адреса не давай². Вообще никому не давай.

Адрес: Firenze. Italia. Via Nazionale, 38, p. 3°.

¹ О «мясном деле» А. А. Герцена — см. в следующих письмах.

² Повидимому, перед отъездом Озерова во Флоренцию между ним и Бакуниным произошло какое-то столкновение.

16

18 января 1875 года. Флоренция

Чтобы не откладывать в долгий ящик, я, как только получил письмо твое от 15 января¹, сейчас же и отвечаю тебе. Очень рад, что живется тебе попокойней, что не преследует тебя шум и гам больших городов. Пози-

ция, избранная тобой, очень хороша — так близко от Лондона и, вместе с тем, так далеко от шума его ².

Да, друг, и я хлопочу, чтобы приобрести какие-нибудь средства¹ на издание. Слышал ли ты, что в Женеве недавно издали брошюру о следственном деле, бывшем в Швейцарии над поляками, занимавшимися подделкой фальшивых ассигнаций (русских)? Оказывается, по суду, бывшему в Цюрихе, что основатели *фабрики* были *русские чиновники III Отделения!* Брошюра издана по-немецки, по-французски и переведена на русский язык. Я еще брошюры той не видал, но, говорят, она очень интересна фактами, доказывающими подленькие проделки нашего правительства. Напиши Эллидину, он вышлет тебе брошюру, а ты опубликуй в английских газетах ³.

Здоровье мое вместе с погодой поправилось, занятие себе нашел небольшое — имею один урок из математики и истории, что дает мне 150 frs. в месяц. Конечно, вдвоем трудно жить на 150 fr. в месяц, но я надеюсь, что найду себе еще уроков, так что кое-как прожить можно будет — пока же плохо. Флоренция начинена аристократической русской сволочью, которая не очень-то охотно возьмет меня, эмигранта, в учителя к своим детям. Да и непрочное это дело. Недавно Александр ⁴ был у меня, предлагал мне, чтобы я попытался составить компанию из русских для торговли мясом при помощи его сохраняющего способа. Хорошо было бы, если бы такая компания создавалась, я бы мог иметь место *комиссионера*, а стало быть, верный заработок на жизнь; но дело в том, как составить такую компанию? Впрочем, попытаюсь. Не знаешь ли ты, где находится теперь Мальчинский ⁵? Пришли мне адрес его. Вот для Мальчинского, ищущего себе коммерческого занятия, это дело было бы подходящее. Я ему хочу написать, да не знаю, где он теперь. Если знаешь — сообщи. Теперь Александра нет во Флоренции, он уехал в Рим на несколько дней. От Henry получил недавно письмо; он переехал в Варшаву вместе с семейством Янковской.

Благодарю тебя за стихи, мне они очень понравились. Не можешь ли ты прислать мне том твоих стихотворений? Я бы очень желал иметь их. Да еще, кстати, если можно, достань мне тот номер вашего старого «Колокола» (1861 или 1862), где рассказано было о бунте в Казанской губернии в селе Бездне, зачинщиком которого был некий Антон Петров ⁶.

Теперь в России пора очень смутная, крестьяне в ужасном положении и не ждут более ничего от «Положения», а все попрежнему ждут какой-то новой воли. Так вот хотелось бы написать что-нибудь, как было в недавнем прошлом, как в каких местах бунтовал мужик и за что. Нужно такую книжечку распространить в России. А так как в 1861 году Безднинский бунт был самый крупный (было до 10 000 народу), то и хотелось бы начать с этого. Факты же нужны верные, потому и хотел бы приобрести тот номер «Колокола», где история эта была рассказана со всеми подробностями.

Кланяйся от нас Мери много, много, мы ее любим и уважаем — не как аристократку или барыню, но как хорошего и честного человека.

Затем, желая вам спокойствия и здоровья, просим не забывать нас и писать почаще.

До свиданья, добрый друг.

Твой В. О з е р о в

От 1 февраля наш адрес будет: Via S-ta Reparata № 3, p. 2.

P. S. Когда будешь в Лондоне, поспрошай у тамошних твоих русских знакомых, не найдется ли для меня местечка при какой-нибудь торговле. Я бы тогда с удовольствием переехал в Лондон, а пока подучился бы английскому языку.

¹ Это письмо Огарева к Озерову неизвестно.

² Огарев переселился в это время в Гринвич.

³ В конце 1874 г. в Цюрихе польскими эмигрантами была выпущена в свет брошюра под заглавием «Die polnische Falschenbande und die russischen Staatsräthe und deren Agenten». В брошюре документально доказывалось, что так наз. ивердонский и золотурнский судебные процессы о подделке кредитных билетов были инспирированы с провокационной целью русскими правительственными агентами для дискредитации польских революционных эмигрантов. В действительности организатором фабрики фальшивых ассигнаций был русский чиновник, статский советник Гавриил Каменский, который в своей «деятельности» отчитывался перед министром финансов. Издание русского перевода брошюры, подписанного П. Ткачевым и М. Элпидиным, датировано 27 июня 1875 г.

⁴ Александр — А. А. Герцен.

⁵ Кто такой Мальчинский, в точности установить не удалось. Возможно, что это А. П. Мальшинский, журналист, враждавший в эмигрантском кругу середины шестидесятых годов, а позднее агент Священной дружины, издававший по ее поручению «Вольное слово». См., однако, в записной тетради Огарева рядом с адресом Озерова адрес N. Malchinsky (ЛБ, Г.—О. VII. 5, тетр. № 35, л. 3 об.).

⁶ Речь идет об обширном «Сказании о безднском побоище», напечатанном в лл. 122—125 «Колокола» от 15 февраля — 15 марта 1862 г.

17

(Флоренция. Февраль 1875 г.)

Больше недели, как получил твое письмо, добрый друг, и очень был рад, потому что начинал беспокоиться о твоём здоровье.

Я все жду от тебя, что когда побываешь в Лондоне, то выплешь мне книжку твоих старых стихов и те номера «Колокола», в которых было рассказано дело Антона Петрова в Казанской губернии в селе Бездна, если помнишь, кажется, это было в 1861 или 62 году.

Живем мы во Флоренции, или, лучше сказать, дни коротаем, очень скучно; средства наши плохи — я даю уроки одному русскому мальчику из математики и физики и зарабатываю *сто пятьдесят франков* в месяц. Вот и все, больше нет никакой работы, а тут жить дорого, за одну квартиру из этих 150 f. приходится платить 75 f. в месяц. Приходится подтягивать

СТИХОТВОРЕНИЯ

Н. ОГАРЕВА.

Под редакцией К. Соловьевского и Н. Щеглова.

МОСКВА.

В. П. Троицкий и А. С. Соловьев.
1886.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ
ОГАРЕВА, 1886 г.

Титульный лист

животы... все бы ничего, и хлебушком как-нибудь пропитались бы, если бы толк какой-нибудь был из этого, хоть бы надежда была, что польза кому-нибудь выйдет, хоть бы для чего было жить..., а то, черт знает что за чепуха такая жизнь... На дело серьезное людей не дозовешься, да и где они, эти люди-то?!.. А забавляться да самого себя тешить, впутываясь в разную нигилистическую чепуху... «есть тьма охотников, я не из их числа».

Однако не скажу, что я так-таки совсем бездельно проводил время — нет, тут удалось познакомиться с двумя хорошими людьми¹, и я *связался* с ними, так что надеюсь, может, со временем чрез них и средства какие-нибудь добуду, да и напечатаешь какой-нибудь номерочек.

Если у тебя есть что-нибудь приготовленное для такого номерочка, то сообщи — это может стимулировать и меня, и авось тогда скорее раздобудемся на деньги, нужные для печати.

Читаешь ли ты русские журналы, следишь ли за внутренними событиями? Я только из иностранных узнаю урывки, а то нет средств ходить в библиотеку — единственное место, где обретается «Голос»... В библиотеке надо 35 frs. платить за абонемент в год и 20 за 1/2 года...

Тата и Лиза здесь во Флоренции, но у нас были только раз. С Александром видаемся чаще; его дела по мясной компании идут недурно; я надеюсь, может и мне удастся пристроиться как-нибудь к их делу: ведь надо жить чем-нибудь!.. Уроками не проживешь.

Очень хотелось бы мне перебраться в Англию, да подымается вопрос бытия... то есть, чем я там буду питать свое бременное тело? Да когда бы еще сам — ничего, пошел бы куда-нибудь нанялся, а то с Сашей, вдвоем, трудно. А страна Англия такая, что работы и своим мало — мрут с голоду. Вот, если бы ты возобновил, как я уже писал тебе раз, старые знакомства с теми русскими купцами, что в Лондоне, да чрез них или у них нашлось бы мне местечко хоть на 250 frs. в месяц, то я тогда и дня не остался бы во Флоренции. Мало того, что тут плохо живется, но и скучно живется — там, в Англии, хоть душу бы с тобой отводили, а то, может быть, и что-нибудь сделали бы еще.

До свиданья, много, много кланяйся от меня и от Саши доброй m-rs Mary. От Henry получаю письма, ему хорошо.

Твой В. О з е р о в

Адрес: Italia. Firenze. Via S-ta Reparata, № 3, p. 2.

¹ Кого имел в виду Озеров — не выяснено.

Добрый друг,
Николай Платонович.

Мы получили твое письмо вместе с письмом m-rs Mary. Не отвечали тотчас потому, что на несколько дней уезжали из Флоренции; теперь, возвратившись, спешу отвечать. Мы оба, т. е. я и Саша, здоровы, но только очень скучаем во Флоренции; если бы была надежда иметь верную работу в Англии, мы бы с удовольствием перебрались бы туда.

Тут тоска смертельная да и заработки плохи. Я зарабатываю всего 150 f. в месяц, а вот скоро и эта работа прекратится, так что надо будет искать что-нибудь другое. А что? — ничего не выдумую. Нашего брата-эмигранта нигде не хотят. За целую зиму едва удалось найти один урок — мальчику 13 лет, в русском семействе, — а то везде отказывали, когда узнавали, что я эмигрант. Так-то, друг, перебиваемся изо дня в день.

В Лондоне стала выходить русская газета «Вперед», издаваемая Лавровым и С^о — есть известия из России, очень интересные. Ты постарайся достать себе эту газету; ее вышло всего четыре номера.

Пиши чаще, мы так рады, когда получаем твои письма.

Судя по журналам, кажется, что скоро Австрия подерется с Пруссией — ну, тогда заварится каша. Об Италии нечего сказать путного, разве что король постоянно целуется то с австрийцем, то с пруссаком. Ну и пусть, на здоровье.

На днях тут будут судить тридцать пять человек интернационалистов за то, что сделали нападение на банк. Конечно, осудят лет на десять тюрьмы.

От Ненгу недавно получил письмо. Его хозяйка в этом году приедет за границу, и я, по всей вероятности, буду видаться с ней. Тогда напишу тебе, что она сообщит мне о житье-бытье Ненгу.

Кланяйся Магу много, много и не забывай твоего

В. О з е р о в а

16 апреля

19

«Флоренция. 28 апреля 1875 г.»

{...}¹ Вот посылаю тебе адрес редакции «Вперед»: London, E. C. Clerkenwell, Lower Charles Street, 4. Redaction «Forward»... Когда будешь в Лондоне, то зайди или пошли им свой адрес; вероятно, они станут присылать тебе эту газету, потому, как я слышал, что Лавров (издатель) давно хотел иметь твой адрес².

Во «Вперед» интересен отдел: «Что делается на родине?» У них, как видно, много сношений и хорошо организованная корреспонденция. В одном из последних номеров (за 17 февраля) найдешь известие о комиссии по *правам рабочих* под рубрикой «Валуевская компания». Вот так права! ³ т. е. господа комиссия хочет отдать рабочих в полную власть хозяевам их. Это новое закрепощение. Да, впрочем, от русского царя с его кликой только этого и можно ждать. Но что достойно внимания, так это аресты, в особенности аресты, производимые по деревням. Арестованы были и мужики и работники. Пропаганда пошла из столиц в деревни. Это хороший симптом.

Что тебе удалось сделать с Трюбнером? Чем ты покончил с ним? Пиши, пожалуйста.

Мне нечего сказать тебе, все попрежнему. «А скука, скука, боже правый, гостит и тут, как над Невой»⁴.

Вот и всё. Мне сегодня очень нездоровится, голова болит. Пишу же, собственно, чтобы не задержать ответа.

До свиданья.

Твой В. О з е р о в а

28 апреля 1875

Firenze. Via S-ta Reparata, № 3, p. 2.

¹ Начало письма не сохранилось.

² Об отношениях Огарева с Лавровым см. в настоящем томе, в публикации писем Лаврова к Огареву.

³ Озеров имеет в виду статью «„Валуевская комиссия“ и русская пресса» в № 4 «Вперед» от 1 марта 1875 г. В этой статье раскрывается классовый характер открытой 17 января 1875 г. под председательством П. А. Валуева комиссии для рассмотрения законодательных проектов о найме рабочих и прислуги. Повидимому, внимание Озерова особенно привлекли следующие строки статьи: «...34 представителя поземельного и промышленного эксплуататорства. Но где же представители 15 миллионов рабочего народа? Где представители мужицкой Руси? Они отсутствуют. В совете волков овцы были бы лишние... Хищники не потрудились даже надеть маску приличия; они призваны одни писать законы в свою пользу. Итак, повидимому, дело совершенно ясно: состав комиссии бесспорно убеждает, что комиссия образована против рабочих, что русское правительство явно заключает оборонительный и наступательный союз с эксплуататорами русского народа...»

⁴ Неточная цитата из «Тамбовской казначейши» Лермонтова.

25 июня 1875. Firenze

Добрый друг.

Что значит, что так давно не имеем от тебя никаких известий? Жив ли ты и здоров?

Мы как-то недавно прочли во «Вперед» твои стихи ¹. Значит, ты познакомился с редакцией «Вперед». Вероятно, тебе в Англии живется лучше, чем в Швейцарии, и теперь, хоть изредка, да все-таки можешь и напечатать что-нибудь, а это хоть небольшое удовлетворение.

Если ты читаешь корреспонденции из России (во «Вперед»), то знаешь, что там делается. Я хотя сам не получаю «Вперед», но пользуюсь чужим, нахожу, что отдел корреспонденции из России очень хорош. Вообще я рад, что редакция умно поступила, решившись издавать газету, а не толстый журнал, как прежде, наполненный только философией ². Газета — дело более живое.

С некоторыми взглядами почтенной редакции я не совсем-то согласен, но все-таки очень рад, что существует (хоть и не совсем удовлетворительный, по-моему), но все-таки существует орган революционный ³. Если бы между русскими было поменьше глупого задора, то побольше можно бы дела сделать. А то при малейшем несходстве мнений только пакостить начинают друг другу.

Пора бы перестать.

Что Мери? Как ее здоровье? Пиши нам скорей. Расскажи, каковы твои отношения к редакции «Вперед» и на что можно надеяться с этими людьми. Я хотя многих из них знаю, как Лаврова, Лопатина, но все-таки не знаю остальных. Судя по номерам газеты «Вперед», вся редакция или, скорей, тон этой газеты изменился к лучшему, т. е. мне больше нравится, чем прежний их толстый, тяжелый журнал.

Что пишет Henry?

До свиданья, не забывай твоего

В. О з е р о в а

Firenze. Via S-ta Reparata № 3, p. 2.

¹ Озеров имеет в виду стихотворение Огарева «Свидание», опубликованное в № 10 «Вперед» от 1 июня 1875 г. Оно напечатано со следующим примечанием П. Л. Лаврова: «Это стихотворение прислано нам Николаем Платоновичем Огаревым. С удовольствием помещаем в нашей газете строки друга и товарища Герцена, одного из основателей первой Вольной русской типографии».

² Начиная с июля 1873 г. Лавров издавал неперIODические сборники «Вперед!» (вышло пять томов). Двухнедельная газета под тем же названием выходила под редакцией Лаврова в 1875—1876 гг.

³ Получив это письмо, Огарев писал Лаврову 1 июля 1875 г.: «А эти дни я чрезвычайно доволен, что имею письмо от Озерова, который жив и здоров, во Флоренции и читает „Вперед“» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 580).

(Флоренция. 20 сентября 1875 г.)

Ну, хоть не скоро, а все-таки собрался ответить тебе, друг Николай Платонович. За долгое молчание извини. Я целый месяц был в деревне, в горах. Во Флоренции было так жарко, что я чуть не задохнулся.

Как я рад (получивши твое письмо), что ты был в Лондоне и что надеешься что-нибудь помещать в лавровском издании. В последнем номере «Вперед» от 15 сентября мне нравится передовая статья, прочти ее со вниманием, она очень кстати — ответ лженауке и ее буржуазным корыстным выводам ¹.

Напиши мне, как понравились тебе люди редакции «Вперед».

Как твое здоровье и здоровье Мери?

«ПАПАША ТЬЕР»

Карикатура Кленка (рисунок
карандашом)

Институт Маркса—Энгельса—Ленина—
Сталина при ЦК КПСС, Москва

От Генри давно не получаю писем. Завтра буду писать ему (только не по-русски; да по-русски он и не знает). Очень хотелось бы мне повидаться с ним. Каков-то он стал теперь? Во Флоренции тоска порядочная. Русских много, но это не нашего поля ягода.

Саша здорова, кланяется тебе и Мери.

Я изредка выдаюсь с Александром, он очень любезен со мной — вероятно, потому, что знает, что я твой друг. Жена его — хорошая женщина — только, бедняжка, хворает. Жаль очень, она еще молодая женщина.

Имеешь ли ты книгу (нового издания) сочинений Александра Ивановича? Если будешь иметь два экземпляра — пришли мне один ².

Не знаешь ли ты, где теперь Михаил Александрович?

Мы живем во Флоренции очень и очень скучно. Главное, что убивает меня, — это недостаток работы и дела... ³

Тоска просто заедает, и завидую иногда людям, так легко удовлетворяющимся вздором. Скучно, друг, да что поделаешь?

Ну, до свиданья. Пиши, пожалуйста, чаще и подробнее... Может быть, у тебя вокруг больше интересного. До свиданья.

Душевно кланяюсь Мери.

Твой В. Озеров

20 сентября
(Italia. Firenze).

Via S-ta Reparata, № 3, p. 2).

¹ Озеров имеет в виду статью «Социализм и борьба за существование», напечатанную в № 17 «Вперед!» от 15/3 сентября 1875 г. Основная мысль статьи резюмирована в ее заключительных словах: «Великие открытия Дарвина, за которые с такой жадностью уцепились буржуазные мыслители, думая на них построить „научную“ теорию вечной конкуренции между людьми и вечного эксплуатации одних другими, при внимательном изучении служат лучше „научною“ опорой социализму и лучшим доказательством того, что лишь солидарность человечества, требуемая социализмом, может обеспечить будущность развития человечества».

² В 1875 г. начало выходить десяти томное Собрание сочинений Герцена, так называемое «женевское».

* Под впечатлением этих строк Огарев в письме от 8 октября 1875 г. писал Лаврову об Озерове: «...Не найдется ли ему работа в Лондоне? Во Флоренции ему на два урока не прожить и тоска одолевает. Остановиться он, конечно, может у меня, но вопрос — в возможности работы. Пожалуйста, дайте ответ поскорее» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 585). Лавров ответил отказом (см. настоящий том, стр. 290), вследствие чего Огарев в письме от 13 октября 1875 г. писал ему: «...Грустно мне ваше мнение об Озере. Я думал, что он мог бы поселиться у нас, и даже климат для его расширения сердца был бы лучше юга. Это человек, которого я очень люблю и уважаю. Подумаю еще и на днях стану ему писать» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 585).

22

23 марта 76. Флоренция

Спасибо тебе, старый друг Ага, что ты, *разбогатевши*, не забыл о нас...¹ Нет, шутки в сторону, деньги, посланные тобой, очень кстати, потому что пред этим я был несколько времени болен, дней 8, и за все это время не мог ходить давать уроков, значит образовался был дефицит в нашем бюджете — тебе точно вдохновение было ниспослано послать деньги именно в такое время, когда они нам именно особенно нужны. Спасибо сердечное еще раз. Не отвечал я тебе так долго потому, что только сегодня едва, с тысячами формальностей, мог получить деньги с почты (тут это процедура сложная). Наконец, получил — и спешу тебя уведомить. Посылаю тебе письмо от Генри, только что полученное.

Много кланяемся Мери; мы с Сашей оба что-то было прихворнули — теперь поправляемся. Погода у нас хуже даже европейской политики, т. е. мразь и слякоть — равноденственную линию переходим.

Италия меня просто потешает; чиновники (чуть не каждый день случай) нет-нет да и утянут кассу какую-нибудь да и в Америку. Прелесть, брат! В Бельгии воруют и бегут! В Италии воруют и бегут! Королевский сынок (Мирафиори, незаконный) выпускает на папашину имя фальшивые вексельки на несколько миллионов... В России Константин Николаевич берет 7 миллионов и не дает отчета!² А банкротства банков и торговых обществ! это à l'ordre du jour! * Это все веселенькие пейзажики. Уж как пойдет на воровство да на банкротство, то немудрено, что вслед за Турцией начнут банкротиться и другие.

Да здравствуют банкротства; может, таким порядком и покончит скорей старая, подлая Европа...

Пиши, пожалуйста, какой это Серебренников? Семен, что ли?³

Вот, друг, кажется, и все, сказать больше нечего, кроме того, что мы с Сашей попрежнему любим вас обоих.

Твой В. О з е р о в

¹ Огарев получил небольшую сумму — несколько сот франков — от своей сестры, Анны Платоновны Плаутиной, и поспешил послать Озеровым часть этих денег.

² В письмах к Лаврову от 13 и 29 марта 1876 г. Огарев тоже пишет о воровстве в. к. Константина Николаевича: «Не забудьте, что этот г-н цесаревич только что украл 7 миллионов рублей из кассы». В подтверждение Огарев приложил вырезки из №№ газеты «Daily Telegraph» от 11 и 20 марта 1876 г., в которых были напечатаны сообщаемые им сведения («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 590).

³ Семен Иванович *Серебренников* — уроженец Сибири, содержатель типографии в Петербурге. С 1869 по 1874 г. он находился в эмиграции в Швейцарии. В 1874 г. в Пруссии Серебренников был арестован и выдан русскому правительству.

23

15 апреля 77; Флоренция

Добрый друг, на письмо твое только теперь собираюсь отвечать. Причин много; был болен порядочно, а потом и Саша тоже, в свою очередь, слегла в постель. Вообще существование наше скучное и почти бесполез-

* в порядке дня (франц.).

ное... Разве приношу ту приходную пользу, что, просвещая умы детей, могу внести луч света в потемки их сознания?... Но польза эта так микроскопична, что и говорить не стоит!.. Из барских детей, конечно, выйдут барчата... Грустно мне иногда бывает, когда смотрю на острого, бойкого мальчишку — знаю, выйдет в жизни кулак из него... Милая, добрая, умненькая девочка — выйдет законная супруга, а если очень даровита, то проститутка... *Fiat voluntas tua*... * Жернов общественной мельницы перемелет их по-своему. Правду покойный Герцен говорил: «Современный европейский строй — это выгнившее в середине дерево, но которое долго, долго простоять может». И простоит... Восточные ветры не свалят его еще... Со всех сторон одинаково плохи, одинаково разорены, одинаково живут изо дня в день... равенство условий, равенство бессилия дает равновесие. Значит, даже после потасовки не предвидится перемены... Я не жду добра. В другом мире — в мире протестующих — ребячество... И не у нас только, но и здесь; так, недавно шестьдесят или восемьдесят человек взялись за оружие и отправились в горы, сжигать бумаги деревенских муниципий!.. Буквальная программа покойного Михаила Александровича! ¹ Но увы, даже озлобления не вызвало это восстание интернационалов!.. Смеются над ними, вот и все... В самом деле жаль — хватает героизма на подвиг, но все кончается ребячеством, и гибнут бесплодно юные силы... Черт знает, отчего это происходит? но факт тот, что все проявления революционного протеста поражены каким-то несмыслием!.. Путаницы ли идей виноваты в этом или какие другие причины? Я не берусь решать... Не напишешь ли ты мне стихами решение этой роковой задачи?

Почему «Вперед» прекратился? Я понять не могу причины. Пиши, если знаешь что-нибудь о делах «Вперед» ².

Как ты и Мери поживаете? Вы только и остались у нас единственные друзья, а с остальными чувствуется холод отчуждения... Получили ли вы, наконец, вести от Генриха? Если будет война ³, то переписка с ним станет еще затруднительней. Мне же он попрежнему не пишет.

До свидания.

Твой В. Озеров

¹ Озеров пишет о неудачном восстании, поднятом весной 1875 г. бакунистами в итальянской провинции Беневента. В нем участвовал С. М. Кравчинский. — *Программа покойного Михаила Александровича* — программа Бакунина.

² Издание газеты «Вперед!» прекратилось на № 48, в конце 1876 г., когда из-за разногласий с группой сотрудников П. Л. Лавров вышел из состава редакции.

³ Речь идет о русско-турецкой войне 1877 г. Манифест об объявлении Россией войны Турции был подписан 12 апреля, но военные действия на Европейском театре начались позже.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

В. М. ОЗЕРОВ — П. Л. ЛАВРОВУ

ДВА ПИСЬМА О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ**

1

8 мая 71. Женева, à la Cluse, 12 ¹

Наконец хоть от вас получил известие об Россее ², о котором с 23 апреля ничего не знаю. Известие вашего письма о том, что, *хотя* при вашем посредстве удастся, быть может, *Россу* повидаться с Домбровским ³, утешило меня. От этого свидания я ждал (и пока еще, по необходимости, — жду)

* Да будет воля твоя... (лат.).

** Автографы. Хранятся в ИМЭЛС при ЦК КПСС, фонд П. Л. Лаврова.

некоторых результатов, если Росс *серьезно* принял поручение, данное ему отсюда и формально...⁴

Рассказав вам, в чем заключалось поручение, данное Россу и спутнику его, Ланкевичу⁵, я в то же время отвечу и на вопросы вашего письма о наших намерениях, отношениях к революции и проч. ...

Росс и Ланкевич должны были доставить Парижской Коммуне (при посредстве Домбровского и Варлена) наш *проект*: как употребить революционные французские и иностранные сочувствующие революции элементы на помощь и поддержку Парижа... Наше предложение или, лучше, проект послан от имени целой группы интернациональных работников (конечно, в общих чертах, насколько позволял риск пересылки писанного документа) как решение съезда делегатов...

Конечно, мы очень хорошо понимаем, что сочувствие наше Парижской революции 18 марта не должно и не может ограничиваться манифестами и вообще только печатным словом, но, с другой стороны, тощие кошельки пролетариев не позволят нам *всем* ехать прямо в Париж или даже двигаться с места... а между прочим многие из нас готовы и способны оказать серьезное содействие... Что же делать?

а) Положение дел в провинции Франции, неудачные восстания городов Марселя, Лиона, Бордо и проч. мест, где революционные элементы подавлены в большинстве случаев не по бессилию, а по недостатку организации, ясно показывает, что существует необходимость найти возможность воспользоваться этими элементами! — Возможность призвать к содействию также иностранные и местные революционные элементы *существует в быстром создании партизанских отрядов*, которые одни только дадут серьезную возможность поддержать местные, теперь изолированные восстания, и потому всегда подавляемые.

б) В небольших городах (и даже в деревнях) существуют также революционеры, которые сами по себе и у себя на месте ничего не могут сделать по малочисленности. Нужно их собрать. Как? В партизанские отряды...

с) Конечно, эти отряды не смогут победить версальцев, но отвлекут силы, сделают в разных пунктах диверсии и при искусном распределении и маневрировании наведут страх на версальское правительство (100 человек могут казаться за 1000!).

д) Разделить Францию на четыре участка; в каждом участке — на границе Бельгийской, Швейцарской, Испанской, Итальянской — устроить четыре комитета.

е) Пусть Коммуна Парижская снабдит деньгами эти комитеты (1 000 000 fr. на все), свяжет их общим Центральным управлением и потом сформирует эти отряды, разбросит повсюду маленькими группами (за 1 000 000 fr. можно вооружить и организовать 10 000 человек).

ф) Действие этих отрядов сначала, помимо чисто военных партизанских приемов и целей, должно иметь и еще одну важную и необходимую цель: *пропаганду* в деревнях и городках провинциальной и коммунальной свободы (где существуют элементы, симпатичные Коммуне, — можно вызывать и поддерживать движение, а где и сами позовут)...

Повсюду, где встретятся и удастся, *обезоруживать* солдат и волонтеров.

г) В каждой местности являться как *инсургенты этой местности*, взявшие за оружие *не для нападения*, а для защиты *от реакции*, против солдатских наборов, против организации волонтеров для Версаля — за Мир!.. Везде, руководимые местными людьми, хорошо знающими и *пред- рассудки, и надежды, и желания* всякой данной местности, партизанские отряды могут с успехом преследовать свою двойную цель...

h) Необходимость пропаганды во многих местностях в высшей степени важна (нужно знать, какими способами действуют всякие реакционные агенты!.. — распускают самые невероятные слухи, почти сказки, этим

сказкам многие добродушные мужики верят). Партизаны, инсургенты познакомят их с собою, и мужики скоро увидят, что революционеры «детей не едят и крови не пьют» и не намерены ничего у них отбирать и делить... Никакая наша пропаганда не дойдет в деревни, кроме той, которую *принесут и словом и делом люди вооруженные*, которые поэтому внушат и уважение не очень-то падкому к драке французскому мужику (пример — пруссаки).

Теперь спросите, возможен ли успех во Франции подобного предприятия? Могу утвердительно сказать, что при необходимых средствах возможно во Франции и вне Франции на первый раз набрать тысяч десяток... (Пойдут, конечно, — нетерпеливые и отчаявшиеся, как, например, марсельцы, — один Марсель даст несколько тысяч). Способных всякого рода людей при требованиях первоначальной организации найдется также достаточно; даже буржуазный сочувствующий элемент окажет содействие чем может... Для военных же операций нужно, чтобы Центральное управление, исходящее от Комитетов, имело несколько (хоть по одному) знающих людей — второстепенных же начальников даст каждая местность... (комитеты должны быть *ambulants* *).

От Росса я получил все три письма и ни в одном прямого ответа по поручениям (я много рассчитывал на Домбровского: 1-е потому, что такого рода проект ему как старому организатору подобных операций должен быть симпатичен, 2-е потому, что голос его в пользу этого предложения значил бы много перед Коммуной, и 3-е то, что мы давно и хорошо друг друга знаем и испытали кое в чем)...

Я жалею, и очень, что вместо Ланкевича я не мог поехать сам. Теперь иностранцу пробраться в Париж очень трудно; да и Росс пробрался каким-то чудом, как я узнал из письма его арестованного спутника-француза. *В тот день и в том же поезде в Тонерр арестовали тридцать семь человек иностранцев*, которых всех возвратили спать... Что вы знаете о Париже, напишите! Дайте адрес m-me Hinse ⁶. Книгу Б. посылаю вам ⁷. Пришлю вам «Solidarité» ⁸.

До свидания, ваш В. О з е р о в

Письмо сожгите.

¹ В марте 1871 г. революционеры всех стран напряженно прислушивались к известиям из Парижа, поднявшего знамя борьбы за освобождение рабочего класса. В самом Париже, бок о бок с парижским пролетариатом, за Коммуну сражались революционеры разных национальностей и разных политических оттенков.

Факты, относящиеся к истории участия иностранных добровольцев в героической борьбе парижского пролетариата, еще недостаточно изучены. Несомненно, однако, что проект Озерова, разработанный им и его товарищами и изложенный в письме к Лаврову от 8 мая 1871 г., «как употребить революционные французские и иностранные сочувствующие революции элементы на помощь и поддержку Парижу» — весьма интересный документ для истории Парижской Коммуны. Письмо, в котором проект изложен, представляет существенное значение также и для характеристики личности и деятельности замечательного русского революционера В. М. Озерова.

² Арман Росс — революционный псевдоним М. П. Сажина; см. ниже на стр. 520—521 публикацию его письма к Огареву.

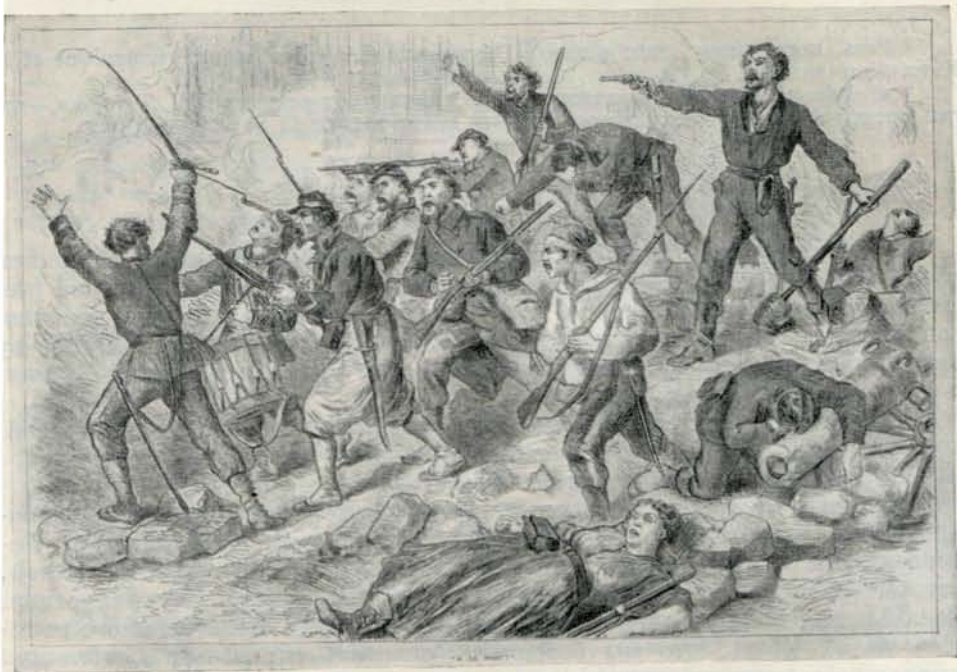
³ О Я. В. Домбровском см. во вступительной статье к настоящей публикации.

⁴ Речь идет о поручении, которое было дано Сажину-Россу: сообщить Домбровскому проект группы интернационалистов.

⁵ Типографский рабочий, молодой поляк Валентин Ланкевич — один из друзей Озерова, принимавший участие в Лионском восстании 1870 г. Сведения о Ланкевиче см. в цит. выше книге Д. Гильома (т. 2, стр. 90) и в книге Р. М. Кантора «В погоне за Нечаевым» (изд. 2, Л., 1926, стр. 100).

⁶ M-me Hinse — по всей вероятности, жена бельгийского социалиста, члена I Интернационала и редактора газеты «Liberté» Эжена Гинса, примкнувшего в 1871 г. к Бакунину. Маркс сказал о Гинсе, что он «из-за своей русской жены тяготеет к Бакунину» (Р. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 197).

* походные (франц.).

«УМРЕМ!»

Последняя битва коммунаров

«The Illustrated London News», 1871, № 1652 от 27 мая

РАССТРЕЛЯННЫЕ КОММУНАРЫ

«Illustrierte Zeitung», 1871, № 1459 от 17 июня

⁷ Речь, повидимому, идет о книге Бакунина: «L'empire knouto-germanique et la Révolution sociale».

⁸ «Solidarité» — листок, издававшийся в Сонвилле под редакцией Д. Гильома, — орган юрской федерации бакунистов. Первый номер вышел 11 апреля 1870 г.

2

(Женева). 13 июня (1871 г.)

Не отвечал я вам так долго, потому что хотел собрать *точные* справки об Э—ман¹ от г-жи Д—вой...² Едва мне удалось повидаться с ней (мешали нашему свиданию разные пошлости женевские, о которых, конечно, говорить не стану), но, в конце концов, мне *удалось* увидеть г-жу Д—ву вчера, и вот что рассказала она мне: Д—ский³ ранен во вторник 23 мая, а умер в среду 24 и похоронен.

Вот печальное известие, которое передаю вам как слышал от Д—вой.

Rosse⁴ приехал, цел и невредим, вероятно будет писать вам.

Адрес Элшидина тот же: т. е. Rue Terrassière, 24⁵.

Начинаются серьезные гонения против Интернациональной ассоциации. Жюль Фавр призывает все государства к крестовому походу!⁶ Посмотрим!.. А между прочим нам нужно бороться против всяких пакостей, которые распускает злонамеренная подлая реакционная журналистика. Если можете, пришлите нам в «Solidarité»⁷ статейку. Этим вы много можете нам... Жаль, что мы бессильны основать серьезный *ежедневный* журнал, а то наш периодически выходящий листок не может с успехом бороться против французской и швейцарской журналистики, которая почти вся сделалась совершенно реакционной до бешенства... Трулье подлый свирепствует хуже Муравьева; о нет, никогда русские войска не делали того в Варшаве, что усмирители Парижа делают теперь в Париже!.. (придет время и мы *отомстим* им), а посмотрите, вся европейская почти пресса чуть не боготворит этих пьяных убийц... Хороший признак! Они осуждены на погибель, если уже должны спасаться такими мерами.

Ваш В. Озеров

¹ О ком идет речь — установить не удалось.

² По всей вероятности, имеется в виду Елизавета Лукинична *Дмитриева* (Тумановская), русская революционерка, одна из организаторов русской секции I Интернационала, героиня Парижской Коммуны.

³ Я. В. *Домбровский*.

⁴ Rosse — М. П. Сажин.

⁵ Озеров сообщает адрес того дома в Женеве, где помещалась типография М. К. Элшидина.

⁶ Жюль *Фавр* (1809—1880) — министр иностранных дел в министерстве Тьера, один из палачей Парижской Коммуны. 6 июня 1871 г. Жюль Фавр разослал циркуляр всем европейским державам, в котором он «призывал их к борьбе с Международным Товариществом Рабочих — к борьбе не на живот, а на смерть» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 339).

⁷ См. примеч. 8 к предыдущему письму.